
ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Руководитель секции — доц. Дмитрий Григорьевич Демидов

Эльвира Ильмировна Биккинина
(Казанский государственный университет)

Отражение графемы **ѣ** в Реймском Евангелии (РЕ)

РЕ — один из самых загадочных и интересных древних памятников. До сих пор не установлено время и место создания этой рукописи. Одни ученые считают РЕ подлинным памятником начала XI века, связывая его с именем дочери Ярослава Мудрого Анны, которая привезла его вместе с остальным приданым во Францию. Другие считают этот текст копией с оригинала XI века и датируют его не ранее, чем XIV веком. Несомненно, особенности языка эпохи, в которую переписывался этот памятник, должны были отразиться и на материале РЕ.

Показания, полученные при изучении редуцированных и носовых гласных в рукописи, говорят о том, что РЕ, скорее всего, было переписано сербом с глаголического протографа в начале XI века.

Исследование материала, который дает нам графема **ѣ**, показало, что **ѣ** употребляется в рукописи более последовательно, чем в других памятниках XI века (Путятиной Минее, Остромировом Евангелии, Изборнике 1073 года, Изборнике 1076 года и др.), что свидетельствует о действительно древнем характере рукописи.

Так, **ѣ** в РЕ сохраняется:

1. в сигматическом аористе 3 лица единственного числа глаголов IV класса 30 раз (*повѣлѣ* — 4в, 1–2);
2. в стяженных окончаниях местного падежа единственного числа мужского, среднего рода прилагательных и местоимений 9 раз (*нѣснѣмь* — 16б, 10–11; *тѣмь* — 16а, 7);
3. в окончаниях дательного падежа единственного числа существительных женского рода а-склонения, личных и возвратных местоимений 19 раз (*тѣбѣ* — 11а, 12; *правдѣ* — 16г, 4);
4. в окончаниях местоимений дательного падежа множественного числа мужского рода 15 раз (*вѣсѣмь* — 11в, 4–5).

Особенную ценность представляет для нас замена **ѣ** на **ѣ** в корнях слов с южнославянским неполногласием (10 раз из 61), сравним: *дрѣва* — 11а, 17, *дрѣво* — 11а, 18. Здесь мы имеем дело с фонетическим смешением русского и церковнославянского произношения.

В некоторых окончаниях слов происходит морфологическая замена **ѣ** на **ѣ**, характерная для многих русских памятников:

1. в родительном падеже единственного числа существительного а-склонения

(пользѣ — 2а, 12);

2. в будущем времени 3 лица множественного числа глагола IV класса (авѣ — 8б, 18);

3. в имперфекте 3 лица множественного числа (идашѣ — 4г, 16–17).

В то же время мена ѣ и ѡ, особенно в корне, свидетельствует о связи рукописи с глаголическим протографом (грѣдѣть — 12б, 19; вѣмѡ — 7а, 20).

Таким образом, употребление графемы ѣ в памятнике подтверждает наше предположение о том, что РЕ было переписано на Руси в начале XI века с южнославянского глаголического протографа. Следовательно, рукопись эта представляет собой несомненную ценность для изучающих историю языка русского.

Ольга Владимировна Блинова (СПбГУ)

Славянские чтения в рукописях Пролога XVI–XVII вв.

В XII веке на Руси был осуществлён перевод первой редакции греческого «Синаксаря» (букв. ‘сборника’), содержащего жизнеописания византийских святых и дополненного учительными текстами и древнерусскими житиями. Вторую, более пространную редакцию перевели во второй половине XIII века.

Были рассмотрены списки прологов XVI–XVII вв. за март–май из Пинежского, Усть-Цилемского и Вологодского собраний Древлехранилища им. В. А. Малышева ИРЛИ РАН. Составленная таблица славянских чтений после сверки с данными, ранее полученными Е. А. Фет [Фет, 1979: 355–361], обнаружила разночтения.

Цель исследования заключалась в том, чтобы выяснить, как копировались и что отражали строчные графические знаки в конкретных текстах. Выбранное «Успение Феодосия Печерского» при рассмотрении показало значительную изменчивость. Наибольшую вариативность проявляют глагольные формы; различия наблюдаются в воспроизведении исторических редуцированных, в отвердении/неотвердении *ц*, возможных сочетаний заднеязычных с гласными переднего ряда, присвоении окончаний существительных на **й* основам на **ѡ* и проч. Количество семантических дублетов, заменяемых при переписке, невелико.

Попытка выяснить принцип копирования строчных графических знаков произведена следующим образом: выбран список с наибольшим их количеством. Сделана попытка определить, что маркируют знаки, какие знаки присутствуют во всех списках. Получилось, что писец в расстановке интересующих нас значков чувствовал себя довольно свободно. Хотя количество «обязательно маркируемых» позиций не так мало, часто можно лишь с большей/меньшей вероятностью предсказать постановку знака. Наблюдается тенденция к выделению придаточных времени и определительных; в сложносочиненных конструкциях знак частотен перед *но*, часто выделяются однородные члены и пр.

Литература

Литературный сборник XVII в. Пролог. М., 1978.

Литература Древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996.

Мошкин В. Периодизация русско-южнославянских культурных связей X–XV вв. // ТОДРЛ, 1963, т. 19.

Фет, 1979 — Фет Е. А. Прологи в собрании Пушкинского дома // ТОДРЛ, 1979, т. 34.

Тенденции в новейших колебаниях русского ударения

1. Основные причины колебания ударения остаются до сих пор гипотетичными. Многие связывают изменение нормы с влиянием определённых территориальных, либо социально-профессиональных диалектов. Однако диалектные расхождения в ударении постепенно исчезают. Возможно, в период зарождения акцентологической системы территориальный фактор играл немаловажную роль. К.С.Горбачевич считает, что русское литературное ударение зародилось на северной диалектной основе и на протяжении своего развития испытывало воздействия южных говоров. Проблема вариативности в постановке ударения волновала ещё русских поэтов 17 в. В письме Харитона Макентина «К приятелю о сложении стихов русских» поднимается вопрос о «вольностях рифм». Автор критикует «преложение силы (ударения) с одного слога на другой, так, чтоб вместо *глава́* писать *гла́ва*, вместо *зако́н* писать *за́кон*» и проч. Однако, учитывая закон скандовки, по которому слово может потерять свое естественное ударение, не следует изменение постановки ударения воспринимать как отклонение от нормы (*призра́к, язы́ки, музы́ка*)

2. Картина акцентологической системы ещё более усложняется, когда вмешивается культурный фактор: во многом спад общественной культуры влияет и на общую произносительную норму. Как сказал К.С.Горбачевич, «речь человека — лакмусовая бумажка его общей культуры».

3. По подсчетам М.Н.Петерсона, 90% словарного запаса языка — исконно русские, то есть восходят к церковнославянскому языку. По нашим наблюдениям, носители русского языка как родного, которым был предложен ряд слов, вызывающих особую трудность, делали ошибки именно в словах с «формально-генетической церковнославянской» основой. Можно сказать, что норма с синхронической точки зрения стабильна, а с исторической неподвижна.

4. Время начала формирования русского национального языка относят к 16 в. Также общеизвестно мнение о том, что появление современных художественных форм связано с именем А.С.Пушкина. Возможно, именно в этот период язык достиг апогея грамматической и лексической структур и именно в связи с этим тенденции в ударении стали постепенно упорядочиваться.

5. Ударение русского языка во все времена волновало славистов; если в чешском и польском языках ударение фиксировано, то в русском оно подвижно.

6. Однако постепенно население упрощает себе и языку задачу в постановке ударения. Во многом, действуя по законам аналогии, человек меняет исконное место ударения (*звóнит, ко́лет, мо́лит* и т.д.)

7. Орфоэпические ошибки в иноязычных словах объясняются простой их русификацией. В 18 в. шел бурный процесс заимствования слов из французского языка. В некоторых таких словах ударение сохранило свое историческое место, однако многие из этих слов прошли русскую «грамматическую цензуру». Например, *музы́ка* (употреблял Державин, Пушкин и многие другие поэты 19 в. в своих текстах, сейчас же нормой употребления стала *му́зыка*).

8. Мною было проведено анкетирование людей разных социальных слоев: из 56 опрошенных — 27 человек с высшим образованием, 18 студентов и 11 — получивших только среднее образование. Можно сделать вывод о том, что постановку исконно русского ударения соблюдает 40% опрошенных.

9. Определить судьбу изменения произносительной нормы нелегко, так как законы, которые пытаются выявить современные акцентологи, не определены.

К.С.Горбачевич в своих трудах поднимает эту проблему. Ученый отмечает ряд последовательных тенденций в развитии русского ударения.

10. Для объяснения судьбы русского ударения привлекается закон синкретического единства (термин А.Н.Веселовского). Несмотря на глобальные различия постановки ударения в 17 в. и в 21 в., норма ударения стремится к своей исконной форме. Норма сможет остаться синкретичной, объединяя инновации и архаизмы.

Виктория Игоревна Легких (СПбГУ)

Служба Николаю Мирликийскому на 6 декабря в славянской рукописной традиции XII–XVI вв.

1. Служба св. Николаю Мирликийскому на 6 декабря встречается в славянских Минеях начиная с XII в. В докладе представлен предварительный лингвотекстологический анализ текста службы. Самый древний список (ГИМ, Син. 162) на данный момент оказался нам недоступным, поэтому в докладе рассматривается список декабрьской служебной Минеи XII в. (РГАДА, ф. 381 № 96). Для сопоставления привлекались декабрьская служебная Минея XIII в. (РГАДА, ф. 381 № 97), праздничная Минея болгарского извода XIV в., служебная Минея сербского извода XIV в., новгородская служебная (декабрь) и праздничная (май) Минеи XIV в., а также 10 русских служебных Миней XV–XVI вв.

2. Взятая за основу служба в ф. 381 № 96 является «краткой службой». Следование жанров представлено вариантом седален — стихира — канон. При таком порядке следования вечерние и утренние песнопения записывались без разделения, что является признаком древней структуры службы. Такая же структура представлена в новгородской минее XIV в. (Соф. 193) и в сербской минее XIII в. (F. n. I. 70). Выделенная редакция находится в соответствии со Студийским Алексеевским уставом (ГИМ, Син. 330), что позволяет назвать ее «студийской».

3. Болгарская (F. n. I. 72) XIV в. показывает переход на тип следования «по месту в службе». Болгарская минея содержит известный нам кондак с другим икосом, так что текст мог правиться по другому греческому образцу.

4. В XV в. структура службы усложняется, все песнопения записываются в Минею. Служба сохраняет все элементы «студийской» за исключением второго канона, который заменяется на другой. Соответствие данной службы иерусалимскому уставу (Сол1128/1237) позволяет назвать ее иерусалимской.

5. Еще одну редакцию дает последование св. Николаю, содержащееся в Ильиной книге [Верещагин, 2001: 392–400]. Оно содержит канон, не встречающийся в других редакциях и известный Е. М. Верещагину только по 2 спискам — Ильиной книге и рукописи-конволюту РГАДА (Тип. 139).

Выводы. На основе просмотренных нами списков можно выделить 4 редакции: 1) древнюю, которую дает болгарская Минея; 2) древнюю, содержащуюся в Ильиной книге; 3) древнюю, «студийскую», связанную с правкой во второй половине XI в.; 4) новую, «иерусалимскую».

Литература

Верещагин, 2001 — Верещагин Е. М. Церковнославянская книжность на Руси. М., 2001

Бессоюзные сложные предложения в языке Д. И. Фонвизина и Н. М. Карамзина.

В докладе рассматриваются синтаксические и стилистические особенности употребления сложных синтаксических конструкций на материале «Писем из Франции» Д. И. Фонвизина и «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Несомненно, что Фонвизин и Карамзин оказали большое влияние на развитие русского литературного языка.

Наиболее характерными стилистическими особенностями данных произведений Фонвизина и Карамзина являются сложные синтаксические конструкции, как правило, включающие в себя бессоюзие. В нашей работе придерживаемся точки зрения Н. С. Поспелова, который полагает, что «бессоюзными сложными предложениями оказываются такие сложные предложения, части которых оформленные грамматически как предложения, объединяются в одно целое не при помощи союзов или относительных слов, а непосредственно взаимосвязанностью содержания входящих в их состав предложений, что и выражается теми или иными морфологическими и ритмико-интонационными средствами» [Поспелов, 1950: 343].

Сложные предложения в текстах данных авторов нередко включают в себя достаточно большое количество простых предложений (иногда до 15), которые имеют как сочинительные связи, так и подчинительные, а также бессоюзие. Анализ сложных предложений подобных структур показал, что бессоюзие является в таких случаях определяющим стилистическим средством. При этом бессоюзные сложные предложения нередко присоединяются к предшествующим предложениям лексическими повторами (например, государство), анафорическими элементами и на семантической противопоставленности (например, иной — другой — третий).

Употребление бессоюзных сложных предложений в произведениях Фонвизина и Карамзина связаны с определенным жанром (жанром путешествия), со стилистической обусловленностью. Также бессоюзие тесно связано с планом повествования и становится стилистически маркированным элементом определенного жанра и конкретного автора.

Литература

Поспелов, 1950 — Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.

Развитие временной семантики слов *год* и *лето*

1. Развитие временных значений у слов *год* и *лето* является примером двух наиболее типичных способов появления у слова временного значения в связи с развитием самих представлений о времени.

2. Первый способ представлен в слове *год*, где развитие временного значения шло по следующей схеме: 'успешно осуществленное действие — время успешного

действия — вообще благоприятное, подходящее время — определенный круг времени, определенный период — год’ (сужение и уточнение значения).

3. Второй способ развития временного значения представлен в слове *лето*: ‘период ослабления холода, освобождения — лето (самое теплое время года) — год (период от лета до лета) — время вообще’ (расширение, абстрактизация значения).

4. Закрепление значения ‘промежуток времени в 12 месяцев’ за словом *год* тесно связано с взаимодействием семантики обоих слов на протяжении истории развития языка (в частности его лексического состава).

5. Супплетивизм форм слова *год* в Род. мн. (*лет*) связан в том числе и с разграничением двух аспектов значения ‘год’: ‘год (дата)’ и ‘год (промежуток времени)’.

6. Долгое время в истории русского языка слово *год* и *лето* были стилистически разграниченными синонимами в значении ‘год’ (в обоих аспектах).

7. Постепенно значение ‘год (дата)’ у слова *лето* в литературном языке вытеснялось как сугубо книжное. Значение ‘год (промежуток времени)’, а также значение ‘возраст’ сохраняются у слова *лето* в современном русском языке (только в форме Род. мн.).

8. Становление современных значений слов *год* и *лето* в русском языке тесно связано с эволюцией семантики других слов с временным значением (*время, година, час*).

Лада Алексеевна Москалева

(Казанский государственный университет)

Из истории семантического поля «свет»

Рассматриваются особенности перевода с древнегреческого, помимо элементов словообразовательного гнезда (СГ) **свѣт-**, членов семантического поля (СП) «свет», производных от слов **сияти, огонь, блескъ, зоря, молния, лѣчь**.

Древнерусские переводчики нередко использовали слова с корнем **свѣт-** для передачи других понятий из состава СП «свет», таких как **пѣръ** ‘огонь’, **аѡтрапѣ** ‘молния’. Дальнейшее исследование показало наличие подобных связей и между другими гнездами СП «свет»: греческий корень **αὔ-** (**αὔρη**, **αὔραζω**) ‘светлый, сияющий, блестящий, далеко видный, ясный’ передается корнями **свѣт-**, **блеск-**, **зар-**; **ἀκτίς** ‘луч’ переведен как **зоря**, глагол **στίλβω** ‘блестеть, сверкать’ — как **свѣтити**.

В связи с этим возник вопрос о причинах и обоснованности подобного рода замен.

Возможность варьирования давала наличие общей семы ‘свет’, заложенной в каждом из вышеперечисленных понятий: **сияние** — ‘наиболее интенсивное свечение’; **зоря** — ‘пограничное состояние между ночью и днем, переход из тьмы в свет’; **блеск** — ‘свет, отраженный от предмета’; **огонь** — дает как ‘свет и тепло’, так и ‘зной, гибель’; **молния** — ‘световая вспышка, освещает на время всё вокруг’.

На решение переводчика в конкретном контексте могла повлиять невозможность найти в древнерусском языке адекватное греческому выражение, как в случае: **Объѡждение крѡжное звѣздъ и вышнее освѣщение, миръ всѣ освѣщала** (XIII слов

Григория Назианзина, XI в.). Переводчик ограничился более широкой и нейтральной по отношению к оригиналу лексемой, тогда как греч. *φρυκτωρία* ‘подача сигнальных огней, сигнальная стража’ создавало образ путеводной звезды. Возможны и обратные случаи, когда книжник хотел усилить образ в авторском тексте: *Глава Гѣмъ о҃гнѣ ѿ* (Лук. II. 9, Остромирово евангелие) — где словом *о҃гнѣ* передано греч. *περίελαμψεν* ‘осветила’. Наиболее интересны отношения между СГ *свѣтъ*- и СГ *огнѣ*-. В словарях древнерусского языка отмечен случай замены *огнѣ*- на *свѣтъ*- даже в составе сложного слова-кальки *γλωσσοπυρσόμορφος* — *мзыко~~свѣ~~тообразныи*. Очевидно, это связано с отрицательной коннотацией, придаваемой переводчиком лексеме *огнь*. Сакральное понимание огня в древнерусской культуре амбивалентно (во многом и благодаря его физической природе — источник тепла мог привести к пожару): это и адское пламя, и божественный огонь (как чудо — Неопалимая Купина, и как вдохновляющая сила — сюжет сошествия Святого Духа на апостолов в виде языков огня). Причем именно в значении *огонь* — ‘вдохновляющая сила’ (где он приближается по смыслу к понятию «свет» как символу духовного просвещения) происходит замена на *свѣтъ*- как более привычный символ, хотя существует и ряд образований типа *огнедѣхновенныи* ‘вдохновенный’, реализующих это значение.

Выводы. Наличие общей семы у названных понятий позволило переводчику в соответствии со смыслом текста и собственными установками при необходимости варьировать лексемы СП «свет», подчеркивая сему ‘*свет*’: 1) когда в русском языке есть понятие, адекватное греческому, но переводчик желает усилить авторский образ; 2) когда невозможно адекватно перевести смысл оригинала; 3) когда в русском языке есть адекватное понятие, но по каким-либо причинам невозможно в данном контексте.

Евгения Александровна Федорова (СПбГУ)

Наречие *абие* в парадигме наречий времени со значением скорости протекания и внезапности действия (на материале агиографических текстов XV–XVII веков)

1. В исследованных текстах (Житие Стефана Пермского, Житие Димитрия Прилуцкого, Жития Кирилла, Ферапонта и Мартиниана Белозерских, Житие Мартирия Зеленецкого и Житие протопопа Аввакума) значение скорости протекания и внезапности действия передается следующими наречиями: *абие*, *вдругъ*, *тотчасъ*, *немедленно*, *внезапну* и *напрасно*. Сосуществование синонимов в системе языка обуславливается наличием между ними семантико-стилистических различий. Выявление этих различий и является целью данного исследования.

2. Исторические словари отмечают для наречия *абие* как значение ‘*тотчас*’, так и значение ‘*вдруг*’. Данное наречие, таким образом, входит в два синонимических ряда: *тотчасъ*, *немедленно*, с одной стороны, и *вдругъ*, *внезапну*, *напрасно* — с другой.

3. Эти значения выделяются словарями как самостоятельные, однако в реальных контекстах могут совмещаться в семантике наречия *абие*. В подобных случаях существенна роль союза *и*, наличие которого перед *абие* усиливает сему внезапности, тогда как отсутствие — сему мгновенного следования за другим событием или действием.

4. Наречие *абие*, сохраняя значение ‘*тотчас*’, может подчеркивать логичность, неизбежность следования одного события за другим. Сема закономерности, предопределенности способствует тому, что именно это наречие используется при повествовании о чудесах.

5. Наречие *внезапу*, передающее только значение неожиданности, порой граничащей со случайностью, употребляется в рассказах о чудесах редко, причем не в объективном повествовании, а лишь в связи с субъективной оценкой случившегося.

6. Наречие *напрасно* очень близко по семантике наречию *внезапу*, однако во всех случаях употребления его значение осложнено негативными коннотациями.

7. Системы значений наречия *вдругъ* и наречия *абие* во многом совпадают. Однако *вдругъ* может быть охарактеризовано как значительно более разговорное.

8. Наречие *немедленно* отмечено лишь в одном памятнике XVII в., причем во всех случаях употребления характеризует человеческое действие, что не обязательно для наречия *абие*.

9. Наречие *тотчасъ* со значением ‘*немедленно*’ встречается только в Житии Аввакума. В более же ранних текстах используется атрибутивно-именная конструкция *въ той часъ*, не передающая идеи мгновенности, а значащая ‘*в то время, тогда*’.

Татьяна Сергеевна Шахматова
(Казанский государственный университет)

Союз-частица **же** в древнерусских агиографических текстах

Предлагаемая работа представляет собой продолжение нашего исследования функционирования союзов-частиц *ли* и *ко* в старославянских и древнерусских памятниках.

Древнерусские слова **же**, *ли* и *ко* являются в предложении энклитиками, могут совмещать свойства частицы и союза, проявляя синкретичную семантику.

Как показывает анализ старославянского и древнерусского языкового материала, энклитики **же**, *ли* и *ко* занимают особое место в системе древнерусских энклитик. «Позднейшая эволюция древнерусской системы энклитик, приведшая, в конечном счете, к распаду этой системы» [Зализняк, 1995: 171] проявляется для слов **же**, *ли* и *ко* лишь в определенной трансформации правил расположения энклитик.

Если для слов *ли* и *ко* взаимодействие полноударных и энклитических форм как компонентов парадигматического класса ведет к изменению синтаксической функции и переоформлению этих слов (ср. лексикализованные комплексы из союзов и частиц *и ко*, *или*), то союз-частица **же** сохраняет свой морфологический облик. Вместе с тем слово **же** так же, как слова *ли* и *ко*, развивает свою функциональную природу в двух расходящихся направлениях.

А. Мейе пишет: «Частицы, которые в исторически засвидетельствованных диалектах обозначают переход от одного предложения к другому, в более древнее время играли ту роль, что обращали внимание на отдельное слово» [Мейе, 2001: 375] (ср. греческое *δε*, калькой которого является славянское слово **же**). Реализации обеих этих функций у союза-частицы **же** препятствуют: 1) закон расположения безударных

слов после первого акцентного слова во фразе; 2) омонимичные формы выражения разной частеречной семантики.

Анализ структуры значения союза-частицы **же** показывает, что это слово входит в разные парадигматические ряды. Так, в функции эмфатической частицы **же** взаимодействует с частицами **и҃ко** и **ко**, а в функции союза, выражающего отношения противопоставления, — с союзами **и҃а** и **а**. При выражении присоединительных отношений союз **же** может выступать вариантом союза **и**, нередко эти слова употребляются в предложении одновременно.

Анализ синтаксического употребления союза-частицы **же** в памятниках характеризует такое состояние языка, когда иерархия синтаксических связей не приняла отчетливых форм. Однако выражение словом **же** синтаксических или смысловых отношений между частями сложного предложения связано с сохранением или незначительным изменением энклитической природы этого слова. Функция эмфатической частицы предполагает непосредственное следование за акцентируемым словом, более тесное к нему примыкание (например: **тѣже**, **также** и др.). В этом случае к слову **же** не всегда можно применить правила расположения энклитик.

Литература

Зализняк, 1995 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Мейе, 2001 — Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 2001.

Валерия Сергеевна Широкова
(Владимирский государственный педагогический университет)

Развитие *figura etymologica* в древнерусском языке (на материале текстов XI–XIV вв.)

Figura etymologica рассматривается либо «как возможность разрушения исходных формул — их синтаксическое распространение» [Колесов, 1989: 164], либо как «возможность распространения синтагмы за счет производных однокоренных образований» [Аверина, 1998: 46].

Однако в памятниках письменности XI–XIV вв. этимологические фигуры, зачастую, являются самостоятельными синтагмами, «отражающими реальные смысловые и словообразовательные отношения слов» [Зиновьева, 2001: 96], например, когда господствующее слово (чаще глагольная форма) своими лексико-грамматическими свойствами предопределяет обязательное появление при нем определенной зависимой падежной формы: *дѣло дѣлати*, *дати дань*, *дарити даръ*, *послати посла*, *устанавливати уставъ* и др.

Исходные этимологические фигуры характеризуются контактным расположением составляющих однокоренных компонентов без распространения, они эксплицируют синкретичное значение, поскольку отражают архаические особенности мышления. Исходными сочетаниями выступают две разновидности синкретсемии: структурно-синтагматическая (компоненты выражают одно синкретичное значение общего корня) и сигнификативная (общий корень выражает «семантическое отношение нескольких генетически связанных значений (семем), которые сосуществуют в языке и одновременно актуализируются в речи» [Пименова, 2000: 44]: *И҃же Вольга по*

Дервьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки («Повесть временных лет»), т. е. ‘устанавливая, полагая, определяя, устраивая порядок, распорядок, предел, границу, обычай, правило, закон, условие, срок’.

В процессе развития языка разрушалось исходное синкретичное значение. В зависимости от жанра произведения актуализируется один определенный оттенок значения. Так, сочетание, *дѣло дѣлати* в агиографических текстах выражает значение ‘заниматься конкретными житейскими делами, связанными с повседневной жизнью братии и монастыря <...>, противопоставленными делу божьему’ [Старовойтова, 1998: 54], в деловой письменности (юридических документах) это сочетание «служит для обозначения полезного труда вообще (*всякое дѣло дѣлати*), в отличие от противозаконных, преступных действий (*воровати воровствомъ*)» [Костючук, 1993: 170], в челобитных данная синтагма имеет значение ‘обычные повинности населения в пользу государства или феодала’ [Зиновьева, 2001: 96, 163].

Общие тенденции упорядочения в тексте элементов языка: а) имплицитность — тенденция к уменьшению числа компонентов до одной лексемы, что порождает «семантическую компрессию» [Колесов, 1989: 165] и приводит к полной утрате *figura etymologica*, б) эксплицитность — тенденция к увеличению средств выражения за счет: 1) прилагательных (*нѣти нѣсни* ‘петь, воспевать, отпевать, хвалить, прославлять’; ср.: *нѣти нѣснь аггельскую; нѣти нѣснь монастырскую* ‘церковное песнопение, молитва’; *нѣти нѣсни обычныи* ‘отпевать, петь заупокойную службу’), 2) контаминация формул разного происхождения на основе сходства родового понятия: *добрѣ стрѣлецъ* и *стрѣлецъ дострѣлити* порождают оборот *дострѣлити добрѣ стрѣлецъ*.

В текстах XI–XIV вв. *figura etymologica* подвергаются развитию, но есть и такие, которые не изменяют свой состав и значение.

Литература

- Аверина, 1998 — Аверина С. А. О принципах организации агиографического текста // Язык и текст: Межвуз. сб. памяти проф. М. А. Соколовой. СПб, 1998. С. 40–50.
- Зиновьева, 2001 — Зиновьева Е. И. Стилеобразующие средства и фрагменты языковой картины мира в деловой письменности XVI–XVII вв. (на материале записных кабальных книг): Дисс. докт. филол. наук. СПб, 2001.
- Колесов, 1989 — Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.
- Костючук, 1993 — Костючук Л. Я. К истории трафаретно-этикетных формул (по псковским памятникам) // Вопросы теории и истории языка: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения Б. А. Ларина. СПб, 1993. С. 167–173.
- Пименова, 2000 — Пименова М. В. Эстетическая оценка в древнерусском тексте: Дисс. докт. филол. наук. СПб, 2000.
- Старовойтова, 1998 — Старовойтова О. А. Семантическая структура «Рассказа о смерти Панфутия Боровского» // Язык и текст: Межвуз. сб. памяти проф. М. А. Соколовой. СПб, 1998. С. 50–61.

Максим Сергеевич Шишков (СПбГУ)

Подвижность ударения членных прилагательных в русском языке конца XVIII века

1. Рассматриваемый аспект важен для объяснения современной акцентуации членных прилагательных. Источником исследования выбран Словарь Академии

Россійской (САР, 1789–1794), т. к. именно в эпоху формирования современного русского языка (конец XVIII–начало XIX в.) происходило становление акцентной системы. Это было замечено и составителями Словаря, принявшими произношение «по выговору въ столицахъ употребляемому, наблюдая **удареніе** въ книгахъ Славенскихъ принятое, доколѣ не будутъ открыты точныя и на сіе правила» [САР: I, XIII].

2. Существует точка зрения, что в период развития национального русского языка (XVII–XVIII вв.) на него довольно сильное влияние оказывала подвижная акцентная система севернорусских говоров. Этот тезис рассматривается на материале членных форм прилагательных. Замечено достаточное больше расхождение данных САР с современным состоянием акцентуации прилагательных.

3. Подвижность прилагательных выражается в последовательной конечной акцентровке (синхронно для современного русского языка — окситонеза, т. к. «ударение в полных формах всегда неподвижное» [Зализняк, 1987: 32]). Следовательно, рассматриваются все членные прилагательные с конечной акцентровкой: 1) исконно подвижные и 2) незакономерного типа.

4. Отмечено одинаково равноправное употребление в САР ударенных восточнославянского (–о́й) и южнославянского (–ый (–ій)) вариантов флексии (что невозможно в современном русском языке). На этом основании возникает проблема возможности стилистической маркированности прилагательных (ср. *Водяной, няя, ное* [САР: I, 801], *Водяной, ная, ное* [САР: I, 802] и *ВОДЯНО́Й НАПУТНИКЪ* [САР: I, 803] с разными значениями). Следует заметить, что перед авторами САР данная проблема не стояла, но объективно нашла отражение в Словаре.

5. Особого рассмотрения требует отсутствие акцентровок заголовочного слова: либо полное (например, *Богословѣднѣй, дная, дное*), либо на некоторых формах (например, *Гужевѣй, вая, вое*).

Выводы. 1) Влияние подвижности еще наблюдается. 2) Происходит определенное становление нейтрального стиля (и, следовательно, литературного языка).

Литература

САР — Словарь Академіи Россійской. ЧЧ. I–VI. СПб, 1789–1794.

Зализняк, 1987 — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1987.